

Нищеброд (Часть 1)

В статье рассматриваются семантические, прагматические и словообразовательные изменения слова *нищеброд* и его производных, возникших в XVIII–XIX вв., но актуализированных в современном русском языке в публицистическом стиле, интернет-общении, молодежном сленге. С одной стороны, в общем языке можно наблюдать усиление оценочности в слове *нищеброд* (и производных) для экспликации различных жизненных позиций и морально-нравственных приоритетов, что служит свидетельством включения понятия в традиционный философско-публицистический дискурс о бинарности русского бытия и мироощущения (материальное – духовное). С другой стороны, в молодежном сленге слово *нищеброд* ведет себя иначе: подвергается графико-фонетической и морфологической трансформации в результате сближения со сленговым англоамериканизмом *bro* (< *brother* “приятель, знакомый”) и используется в речевой практике с игровым заданием.

Ключевые слова: *история слова; семантическая трансформация; прагматика; оценочность; инновация; лингвофилософский дискурс; молодежный сленг; заимствование.*

Aleksandr V. Zelenin

Nishchebrod (Pauper) (Part I).

The article considers semantic, pragmatic and derivational *nishchebrod* word changes and its derivatives appeared in 18–19th centuries, but actualized in publicistic style, internet-communication, youth slang. From the one hand, we can see the intensification of evaluativity in *nishchebrod* word (and derivatives) for the explications of different life stances and moral and ethic priorities in common language that proves this term including into traditional philosophical and publicistic discourse and proves the binarity of Russian being and mental outlook (material and mental). From the other hand, *nishchebrod* word does differently: it is exposed to graphic-and-phonetic and morphologic transformation in the result of closing to slang Anglicism-americanism *bro* (< *brother*) that used in speech practise with the game purpose.

Key words: *word history; semantic transformation; pragmatics; evaluativity; innovation; linguophilosophic discourse; youth slang; borrowing.*

Слово *нищеброд* (и его производные) в последние полтора десятилетия заметно активизировалось в современном русском языке: оно может встречаться в радио- и телепрограммах, интернет-коммуникации (форумы, чаты, твиты), газетах и журналах, шутовском молодежном общении. Слово не новое в русском языке, его история насчитывает около 300 лет, однако в XXI в. оно вдруг снова оказалось востребованным. Какие же социальные и языковые мотивы стоят за этим фактом?

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, преподаватель вуза.

E-mail: aleksandr.zelenin@uta.fi

Университет Тампере (Финляндия)

Tampereen yliopisto

Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Ссылка для цитирования: Зеленин А.В. *Нищеброд* (Часть I) // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 72–78.
DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-72-78.

Изучение всего словообразовательного ряда позволяет увидеть динамику социальных процессов в обществе, глубже понять морально-нравственное состояние и его социальную саморефлексию, ведь именно в языковых знаках и запечатленных в них трансформациях проявляется желание и потребность общества взглянуть на свое социальное и духовное бытие, зафиксировать в слове оценки, социальные или групповые нормы морали.

Слово *нищеброд* входит в тематическую группу с доминантным словом *нищий*. Упоминания о нищих в древнерусских документах встречаются уже в древности; о нищих на улицах Киева в X–XI вв. писал один из первых исследователей этого феномена И. Прыжов [Прыжов 1862]. В XVII в. нищие представляли уже иерархическую касту, в Москве их было особенно много [Ключевский 1892]; зачастую они

получали свое прозвание по месту и технологии сбора милостыни: *царские нищие*, *кладбищенские*, *патриаршие*, *соборные*, *монастырские*, *церковные*, *гулящие* (без постоянного места), *лёженки* (лежащие на голый земле обычно на мостах, перекрестках) [Петров 1899: 40]. Интересные факты о типах странствующих людей в России в середине XIX в. дает известный собиратель народного быта С.В. Максимов. Свою книгу, ставшую очень популярной и до сих пор выступающую настоящей энциклопедией народной жизни, он назвал «Бродячая Русь Христа-ради. Прошайки. Запрошайки. Кубраки. Лабори. Нищая Братия. Побирушки. Погорельцы. Нищевроды. Калуны. Калики Перехожие (Слепцы). Богомолы. Богомольцы. Скрытники. Христороубцы» (1877), где слово *нищевроды* употреблено в назывном (номинативном) значении для характеристики социально-профессиональной группы людей ‘попрошайки, просители милостыни; нищие, для которых нищенство стало промыслом’.

Примечание. Понятие «нищий» в русском языке имеет двоякий смысл: в православии нищие олицетворяют идею праведности, благочестивости («блаженны нищие духом», т.е. малоимущие, бедные люди богаты не деньгами, но духом, следованием христианским заповедям). Однако часто в современном русском языке слово *нищий* используется для обозначения попрошайки. Исторические словари русского языка не дают достоверных и однозначных данных, когда мог произойти семантический процесс внутреннего семантического расщепления понятия «нищий» на церковно-каноническое и народно-разговорное. Словарь древнерусского языка вследствие небольшого количества языкового материала осторожно предполагает, что слова *попрошайка* (варианты: *попрошай*, *попрошатай*) [СРЯ XI–XVII, 17: 101], *побираха* [СРЯ XI–XVII, 15: 127] именно в значении ‘нищий, побирушка’ в русском языке поздно происхождения, они появились только в конце XVII в. Выскажем гипотезу, что существительное *нищеврод*, которое возникло в еще более позднее время, также один из лексических способов названия части нищих, профессионально занимающихся побирунничеством, сбором милостыни, именно по своему центральному семантическому признаку – передвижение, ходьба по разным местам. Прежде синкретичное понятие «нищий» требовало лексемной экспликации для выражения разных смыслов: словоформа *нищий* осталась без изменений в церковно-книжной сфере в высоком духовном смысле, в народной же речи шел процесс

поиска обозначений для названия не церковно-религиозного содержания понятия, а вполне конкретного взгляда на способ существования таких людей, их «труд» по добыванию пропитания. Народный язык обычно довольно прямолинейно ищет смысловой мотив для номинации, в дальнейшем становящимся внутренней формой слова. Так для обозначения «работы» нищих появляются слова *побирушка* (*побируха*), *попрошайка* (в XVII в.) и *нищеврод* (в XVIII в.). Если в лексемах *попрошайка*, *побирушка* внутренняя форма прочитывается легко и мотивируется глаголами *попрошайничать*, *побираться*, то какова внутренняя форма слова *нищеврод*?

Слово *нищеврод* находит поддержку в диалектном словообразовании, с элементом *-врод-* образована целая группа лексем: *заврѡда* ‘человек, болтающийся без дела, праздный шатун’, *пустобрѡд* ‘тот, кто любит бродить без дела, слоняться, шатун’ (яросл.), *шалобрѡд* ‘праздник шатун и бездельник’ [Даль 1866, 4: 566], *вольнобрѡд* ‘беглый, шатун, бродяга’ [Даль 1863, 1: 212], *сумасбрѡдный* ‘безумный, безрассудный, дикий, бестолковый, ни с чем не сообразный, противный здравому смыслу’ [Даль 1866, 4: 329]. Ключевым здесь является корень *врод-* для выражения мотива бесцельности, широко представленный во множестве производных в русских народных говорах: *бродить* ‘ходить из одного места в другое, избегая дела’, *брѡдкий* ‘любящий ходить без дела, лазить куда-нибудь, забираться куда не следует’ (свердл.), *брѡда* ‘человек, который бродит без дела, без толку и цели’, *брѡдѡжить* ‘ходить, слоняться без дела’ (Ср. Урал.), ‘болтаться без дела, гулять, вести разгульную жизнь’, *брѡдѡжник* ‘праздник дармоед, шатающийся стороною, в людях’, *хѡдѡть брѡдня брѡдней* ‘от нехоти и лени едва ноги волочить’, *брѡдитъ меж двор, меж двѡры волочитьсѡя, меж двѡры скитаться* [Полякова 2010, 1: 51, 136], *калобрѡдить* или *колобрѡдить* ‘шататься без дела, проводить время в праздности’ (яросл.) [Еремина 2014: 123]. От последнего слова (*колобрѡд* ‘болтун; человек, имеющий привычку ходить, блуждать, вести себя суетливо, шумно; *колобрѡдом* в говорах могли назвать назойливого гостя’ [СРНГ 12: 363]) образован антропоним, русская фамилия *Колобрѡдов* (*Калѡбрѡдов*, *Калѡбрѡдов*). Во всех перечисленных производных использован прагматический потенциал глагола *бродить* в русском языковом сознании – фиксация и оценка в общественном мнении неприкаянного душевного состояния

субъекта, проявляющегося в бессмысленном, бесцельном или пустопорожном хождении [Левонтина, Шмелев 2002: 271] и ассоциируется с безделием, нежеланием работать, трудиться, намерением избежать тяжелой физической работы.

Появление группы однокоренных слов *нищоброд*, *нищобродить* следует отнести, очевидно, к середине XVIII в. в зарождающемся городском просторечии. Примечательно, что эти слова приводит трехязычный словарь И. Нордстета, давая им иноязычные эквиваленты: *нищоброд* — нем. *betler* ‘попрошайка, побирушка’, франц. *besacrier* (в том же значении), *нищобродить* — нем. *betteln*, *betteln gehen*; франц. *mandier*, *caimander*, *être à la besace* (букв. ‘быть при сумке, котомке’) [Нордстет 1780: 429]. Это новообразование (*нищоброд*) относилось, по всей вероятности, только к нищим мужского пола, так как у Нордстета слово *нищя* передается, например, немецким эквивалентом с показателем женскости (*eine Bettlerin*, *ein Bettelweib*), во французском — женским артиклем *une mendiante*, *une quêtuse* [Нордстет 1780: 429]. Слово *нищоброд*, вероятно, только входило в употребление; оно было использовано, в частности, в стихотворной поэме И. Долгорукова (1764—1823): *В лохмотьях нищоброд // Меня не поражает; Домашний мой народ // Его с двора гоняет.* (Длгрк. Соч. I: 478) [СРЯ 1989, 15: 156], хотя составители «Словаря Академии Российской» эту лексему не включили в словник, посчитав, возможно, неузальной, еще не устоявшейся [САР 1793, 4: 537—540]. Языковая ситуация конца XVIII — первых десятилетий XIX в. показала, что слова все-таки укоренились в русском языке, поэтому переиздание этого словаря уже содержит лексемы *нищоброд*, *нищобродничать* [САР 1847, 2: 461]. Женское производное *нищобродка* появилось на столет позже после своего этимона (*нищоброд*); оно — языковой факт второй половины XIX в., впервые фиксируется в первом издании словаря Даля [Даль 1865, 2: 1132: нищета]. Негативная оценка данной группы слов была присуща им с момента их возникновения, ср. прагматико-стилистическую помету, предлагаемую В.И. Далем при слове *нищобродничать*: «укорно».

Характерно, что слова *нищоброд*, *нищобродить* стали, скорее, фактом переводных словарей, нежели толковых. Так, во «Французско-русском словаре» И. Татищева [Татищев 1824, 1], следуя традиции французско-русских лексиконов XVIII

в., французские слова переводятся так: *besacrier* — нищоброд, нищий, сумносец (стлб. 455); *claquedent* — нищоброд, голяк, голтепа, по переводу: зубохлоп (сл[ово] ругательное) [sic!]; пустомеля, трещотка (сл[ово] низкое) (стлб. 823); *caimander* — нищобродить, шататься прося милостыни (стлб. 610). Обращение к переводным словарям особенно важно, так как они позволяют наблюдать методы семантизации иностранных слов при помощи русских эквивалентов с выявлением в них дифференциальных признаков, далеко не всегда эксплицированных в толковых словарях. Это связано с тем, что потребителями толковых словарей являются носители языка, для которых семантические нюансы в синонимичных словах ясны или интуитивно ощущаются, в то время как пользователю переводного словаря зачастую нужны более детальные семантические комментарии, выявляющие различия и условия употребления того или иного синонима. Вот почему приведенный нами ряд французских слов позволяет увидеть те нюансы, которые осознавались русскими уже в начале XIX в.: с одной стороны, слова *нищоброд*, *нищобродить* выступали как коннотативно окрашенные синонимы слов *нищий*, *нищенствовать*, с другой — в словах *нищоброд*, *нищобродить* уже видны семантико-стилистические сдвиги. Свидетельством этого служит включение слова *нищоброд* в ряд оценочных *голяк*, *голтена* (*гольтена* ‘бедные люди, беднота, оборванцы’), *зубоскал*, *пустомеля*, *трещотка*: уже не признак нищенства, сбора милостыни служит семантическим ядром слова *нищоброд*, а обобщенно-негативное значение ‘занудный попрошайка, оборванец’.

В советское время слово *нищоброд* пошло на спад по понятным лингвосociологическим причинам: ликвидации данной социальной группы и искоренения понятия и слова из социалистического языкового лексикона, поэтому оно даже не было включено в первый словарь советской эпохи — «Толковый словарь русского языка», 1934—1939 гг. (под ред. Д.Н. Ушакова), а в четырехтомном «Словаре русского языка» (1957—1961) было ограничено пометой «книжн.[ое] устар.[ое]» (непонятно, почему дана помета «книжное», ведь оно возникло, по всей видимости, в народно-разговорном языке и проникло в литературный язык).

Примечательна и показательна была попытка активизировать слова *нищоброд*,

нищобродничать А.И. Солженицыным в его известном «Словаре языкового расширения» [Солженицын 2000: 136], однако авторское желание реставрации слов (несмотря на многократные переиздания его словаря) в их прямом, номинативном значении не оказало влияния на узус и осталось только фактом писательской работы и раздумий над словом. Нужны были социальные факторы, чтобы вдохнуть в слово (и весь ряд производных) новую жизнь, переосмыслить его и наделить новым содержанием. Просто механическое возвращение слова в речевой обиход без дополнительной, социально мотивированной нагрузки, без изменившегося прагматического веса вряд ли было возможно. Центральной причиной востребованности лексемы стало наполнение ее актуальными для общества смысловыми приращениями, отражающими ценностную, оценочную матрицу социальных групп.

Судя по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), слово *нищоброд* неактивно в русском языке; поиск данной лексемы дал всего шесть примеров, причем несколько цитат приходится на произведения М. Горького. Действительно, это слово можно назвать одним из ключевых, центральных в автобиографических текстах Горького «Детство. В людях. Мои университеты», «Жизнь Клима Самгина», где упоминание слова *нищоброд* — это горькое воспоминание писателя о своих детских и юношеских годах:

В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, *нищобродом*, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной [Горький 1951, 13: 196].

Однако в последние два десятилетия произошел всплеск активности лексемы и ее производных, что помогает обнаружить другая обширная база данных — Интегрум (integrum.ru), электронный свод печатных изданий и интернет-ресурсов. Интересно, что активность коснулась не только корневого слова, но и производных; это свидетельствует о том, что всё словообразовательное гнездо оказалось востребованным в современном узусе, отражая новые социально-нравственные параметры и ориентиры макро- и микрообщественных групп.

Заданные нами в этой поисковой базе «Интегрум» хронологические рамки явствен-

но свидетельствуют о начале резкого роста употребительности ключевого слова словообразовательного ряда *нищоброд*, начиная с 2008—2009 гг. За период с 2000 по 2018 г. в центральной прессе слово *нищоброд* использовалось 353 раза; наиболее часто слово упоминалось в изданиях «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Новый мир». Региональная пресса еще более активно использовала данную лексему — 544 словоупотребления.

Развитие смысла центрального слова *нищоброд* и новых семантических, прагматических, словообразовательных возможностей в современном русском языковом пространстве идет по трем линиям. Рассмотрим более детально все три вектора развития слова в современном узусе.

Первая линия основана на семантическом расширении смысла слова: в этимологическом значении *нищоброд* — это ‘попрошайка, проситель милостыни; бедняк’, однако в актуализированном употреблении оно стало обозначать мало зарабатывающих, не приспособившихся к новой жизни людей (например, бюджетников) и использоваться как их негативно оценочное наименование преимущественно в речевой практике быстро разбогатевших людей.

На оси социального расслоения с одной стороны оказались «новые русские», нувориши, мажоры, с другой — те, кто не мог, не сумел приспособиться к изменившейся ситуации, кто не «поймал» финансовую «птицу счастья»; они-то и получили в социолекте первой группы обозначение *нищоброды*. Семантический механизм построен на сочетании двух внутренних мотивов: актуализации семы ‘бедный, нищий’ и коннотативного насыщения («заражения») от близких в смысловом отношении слов. Слово *нищоброд* оказалось втянутым в целую группу близких обозначений, активно функционировавших в языке последних десятилетий: *лузер*, *маргинал*, *лох*, *совок*, *бюджетник*. У всех этих синонимов общей (унифицирующей) семой оказалась сема ‘неудачник’. «[П]ридя из англоязычной культуры, прежде всего американской, в дискурсе которой это слово приобрело культурную значимость, *лузер* вступило с русским *неудачник* в отношения смысловой эквивалентности» [Лассан 2009: 29]. В этом прослеживается англо-американское языковое и морально-ценностное влияние с такими установками, взглядами на человека: субъект в жизни должен быть

успешным, предприимчивым, деловым, нацеленным на достижение цели, уверенно продвигающимся по своей карьерной лестнице, человек должен уметь зарабатывать на достойную жизнь (под которой понимается прежде всего высокая материальная обеспеченность). Иными словами, успех, деньги и достаток решают всё. Поэтому не случайно совпадение повышенной популярности («модности») слов *нищоброд* и *лузер*, как показывают хронологические замеры, в одно и то же время:

Последнее время то тут, то там мелькает слово *лузеры*, которое понимается как «неудачник». (Россия, 26.05.2005);

А жесткое заморское слово *лузер*, сменившее жалостливое «неудачник»? (Версия (Башкортостан), 15.07.2011) (обе цит. по: [Мустайоки, Вепрева 2015: 462]).

По данным А. Мустайоки и И. Вепревой, «[п]ик модного цикла – самая высокая частотность метавысказываний *модное слово лузер* приходится на 2011 год» [Там же].

Существенно изменение коннотации слова *нищоброд* сравнительно с языковым употреблением в XIX в.: если в словаре Даля оно снабжалось пометой «укорно» (т.е. осознаваемое носителями языка как укоризненное, порицательное, попрекающее), то теперь, в первое десятилетие XXI в., оно приобрело более сильную негативную прагматику – как презрительное, уничижительное, осуждающее. Таким образом, изменился фокус, социальная точка оценочности: раньше – с долей жалости, сострадания и сочувствия, теперь – с позиций успешности, предприимчивости, финансовой обеспеченности, но без эмоциональной жалости и сочувствия. Именно в этой узкой социальной группе олигархов слово *нищоброд* всё более расширяет смысловые рамки, поскольку употребляется не как номинативный знак, а только как оценочное существительное без точных и четких смысловых границ. В социолекте данной группы круг «нищобродов» постоянно растет, расширяется: чем более состоятельным становится представитель этой группы, тем легче попадают в «нищоброды» люди с меньшим достатком (пусть также богатые). Отсюда такие социально-обусловленные употребления в социолекте (мульти)миллионеров:

– А когда вырасту, буду гонять на «Мерседесе», – соловьем заливается мой сынуля.

– Фу, – морщится тетя Лена. – Да сейчас на «Мерседесах» только ленивый не ездит!

Посмотри, кругом одни мерины. *Нищоброды* обожают эту машину. (Свободная пресса, 22.01.2017).

Вторая линия семантического и прагматического развития слова *нищоброд* связана с попыткой и реакцией менее обеспеченной группы людей осмыслить это понятие не с чисто финансовых, а с иных, морально-нравственных позиций. В семантическом отношении интересно отметить столкновение внутренней формы слова, связанной с идеей нищеты, бедности, и имплицитных сем, рождаемых в контексте (семантический прием контекстуализации) и мотивированных апелляцией к самоуважению, достоинству человека как личности. Происходит энантиосемичное перерождение, переосмысление слова: можно быть бедным, но важнее не потерять внутреннего достоинства, самоуважения, духовности:

Противоположность *нищобродам* та категория людей, которые с голоду умрут, но ни за что не пойдут собирать. Как правило, это вымирающая старая интеллигенция. И такая бабулька, надев латаные-перелатаные платье и туфли и имея одну-единственную дешевую карамельку в старинном ридикюльчике, будет безмерно счастлива своему богатству. Люди с внутренним достоинством никогда не станут *нищобродами*. Ведь нищета – это внешняя сторона. Имея малость, можно быть богатым, а живя на помойке, не стать *нищобродом*. Красноречивый пример – замечательный кинофильм «Небеса обетованные». (Вечерний Бишкек, 21.07.2006).

Таким образом, смысл понятия переводится в морально-этическую плоскость, у него рождается переносное, вторичное значение, не выводимое из словообразовательных компонентов; *нищоброд* – это показатель и характеристика состояния души человека, а не обладание (большим или малым) количеством денег:

Под категорию *нищобродов* подпадают и те, у кого есть и имущество и деньги, но эти люди считают, что имеющегося у них категорически мало, а также что если бы денег у них было больше, то им открылись бы совсем иные пути и дороги в жизни. (Свободная пресса, 12.02.2017).

В таком переосмысленном значении становится понятным оценочное использование слова *нищоброд* по отношению к людям, пусть и владеющим статусными, дорогими вещами, имеющим «тягу к понтам», но от этого не становящимся лучше, моральнее, добрее:

[П]орой желание человека выглядеть статусно, дорого доходит до абсурда. <...> Стремление к мнимой роскоши кроется в том, что детство, юность многих пришлось на тяжелые для нашей страны годы... <...> Поэтому во взрослой жизни, когда представилась возможность получения «халывных» денег, они бросились во все тяжкие, дабы подчеркнуть свою «статусность» и «успешность». Это и роскошные шубы, иномарки, неминорно пышные торжества. (Свободная пресса, 22.01.2017).

Третья линия семантического развития слова *нищоброд* связана с молодежным сленгом и основана на языковой игре. В этом случае перезимологизации подвергся второй компонент структуры слова: произошло упрощение *-брод* до *-бро* под влиянием популярного в молодежном языке омонимичного обозначения *бро* (от английского *brother* > *bro*, *бро*). Его появление (*brother* ‘брат’ > *bro*) в Оксфордском словаре английского языка фиксируется концом XIX в. в среде чернокожей молодежи и выходцев с Карибских островов. В дальнейшем произошли обобщения значения ‘брат’ > ‘парень, приятель, знакомый, друг’ и выход за пределы социолекта в молодежный язык, сначала – в спортивную сферу (волейбол, баскетбол) и музыкальную культуру. С появлением Интернета слово проникло в сетевой сленг, а затем в кино- и видеоиндустрию, литературу, язык масс-медиа, что было обусловлено модой на андерграундную культуру латино- и афроамериканцев. (OED, www).

В русском языке распространение неизменяемого существительного *бро* началось через газетные публикации в спортивных изданиях, в иностранных музыкальных новостях и через интернет-сленг:

«Смотрю волейбол, болею за тебя, *бро*», – пишет в твиттере капитан сборной по баскетболу Антон Понкрашов. (Сов. спорт, 2.09.2014).

Молодежный язык творчески переработал русское существительное *нищоброд* с явной ориентацией на студенческую аудиторию. Происходит сужение значения слова *нищоброд* > *нищобро* ‘небогатый, с ограниченными финансами человек (обычно о молодежи, студентах)’. Такое графико-фонетическое отличие от литературной лексемы имеет для молодежного социолекта кодовый характер: непосвященный счетчик такое употребление за ошибку, знающий же человек увидит в нем знак приобщения к «своим», к своему кругу.

Очевидно, в этом случае можно говорить о криптолалической функции такой шифрующей языковой трансформации:

Заглянул, увидел цены и побежал дальше. Зашел в Эльдораду. В Эльдораде прикольно – все можно потрогать, потыркать. Есть витрина для состоятельных парней, есть для нас, для *нищобро*. Ясное дело, направился к последней. (Helpix, 22.04.2016; www.; орфография оригинала сохранена. – А.З.).

В молодежном употреблении задействован метонимический механизм семантической адаптации: от обозначения человека (*нищобро*) – к обозначению недорогого бутерброда для «своего», «брата» (*бутерброд* > *бутербро*) и онимизации слова (переходу имени нарицательного в имя собственное) «*НищЕБро*»:

Простецкая закусовая у входа в «Эрмитаж» с гениально сконструированными сэндвичами. Идеальный пашот с соусом *beurre monté* и бутером «*Нищобро*» (сыр, пассата, кинза, картофельный хлеб ховис), кофе, 170 р. (Афиша, 01.11.2014);

[П]ериодически заходят люди и спрашивают: «Ну какой же это бутерброд? Как он может стоить 250 рублей». Именно для таких людей Шишкин ввел в меню [бутерброд] «*НищЕБро*» за 150 рублей. (The Village, 28.04.2014).

В молодежном языке вместе с изменением графико-фонетической формы изменилась и коннотация: *нищобро* звучит скорее фамильярно-шутливо, нежели негативно-оценочно.

Таким образом, семантические трансформации слова *нищоброд* ярко показывают социолингвистический разброс употреблений: центральным в современном языке является резкое противоборство и противопоставление значений и коннотаций в социолекте богачей (оценка базируется на финансовой стороне) и остальной части общества (оценка базируется на морально-нравственном содержании); молодежное употребление является периферийным, игровым (в результате переразложения структуры) и коннотативно менее интенсивным.

ЛИТЕРАТУРА

Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. – Нижневартовск, 2014.

Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. – Сергиев Посад, 1892.

Лассан Э. Время лузеров // *Respectus Philologicus*. – Vilnius, 2009. – № 16 (21).

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. — М., 2001.

Максимов С.В. Бродячая Русь Христарди. Прошаки. Запрошки. Кубраки. Лабори. Нища Братия. Побирushi. Погорельцы. Нищebroды. Калуны. Калики Перехожие (Слепцы). Богомолы. Богомолыцы. Скрытники. Христoлюбцы. — СПб., 1877.

Мустайоки А., Вепрева И. Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). — Вып. 14 (21): в 2 т. — М., 2015. — Т. 1: Основная программа конференции.

Петров Л. Благотворительность в Древней Руси // Вестник благотворительности. — СПб., 1899. — № 9.

Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. — Пермь, 2010. — Т. 1: А—О.

Прыжов И. Нищие на Святой Руси. — М., 1862.

Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом: в 2 ч. — СПб., 1780. — Ч. 1.

Словарь Академии Российской. — СПб., 1793. — Т. 4: От М до П.

Словарь русских народных говоров. — Л., 1977. — Вып. 12.

Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1989. — Вып. 15.

Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1991. — Вып. 17.

Словарь церковно-славянского и русского языка. — СПб., 1847. — Т. II: З-Н.

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. — М., 2000.

Татищев И. Полный Французско-Российский словарь, сочиненный по пятому изданию Словаря Академии Французской. — СПб., 1824. — Т. 1: От А до С.

Толковый словарь живаго великорусского языка В.И. Даля. — М., 1863—1865.

REFERENCES

Eremina M.A. Len' i trudolyubie v zerkale russkoi yazykovoi traditsii, Nizhnevartovsk, 2014.

Klyuchevskii V.O. Dobrye lyudi Drevnei Rusi, Sergiev Posad, 1892.

Lassan E. Vremya luzerov, in *Respectus Philologicus*, No. 16 (21), Vilnius, 2009.

Levontina I.B., Shmelev A.D. Na svoikh dvoikh: leksika peshego peremeshcheniya v russkom yazyke, in *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*, Moskva, 2001.

Maksimov S.V. Brodyachaya Rus' Khristaradi. Proshaki. Zaproshchiki. Kubraki. Labori. Nishchaya Bratiya. Pobirushki. Pogorel'tsy. Nishchebrody. Kaluny. Kaliki Perekhozhie (Slepsy). Bogomoly. Bogomol'tsy. Skrytniki. Khristolyubtsy, Sankt-Petersburg, 1877.

Mustaioki A., Vepreva I. Metayazykovoi portret modnykh slov // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: material of annual international conference «Dialog» (Moskva, May 27–30, 2015), issue 14 (21): in 2 vol., Moskva, 2015, vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii.

Petrov L. Blagotvoritel'nost' v Drevnei Rusi, in *Vestnik blagotvoritel'nosti*, No. 9, Sankt-Petersburg, 1899.

Polyakova E.N. Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI — nachala XVIII veka: in 2 vol., Perm', 2010, vol. 1: A—O.

Pyzhov I. Nishchie na Svyatoi Rusi, Moskva, 1862.

Rossiiskii s nemetskogo i frantsuzskogo perevodami slovar', sochinennyi Ivanom Nordstetom: in 2 p., Sankt-Petersburg, 1780, p. 1.

Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya, compiler A.I. Solzhenitsyn, Moskva, 2000.

Slovar' Akademii Rossiiskoi, Sankt-Petersburg, 1793, vol. 4: ot M do P.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, Leningrad, 1977, issue 12.

Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv., Moskva, 1989, issue 15.

Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv., Moskva, 1991, issue 17.

Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, Sankt-Petersburg, 1847, vol. II: Z-N.

Tatishchev I. Polnyi Frantsuzsko-Rossiiskii slovar', sochinennyi po pyatomu izdaniyu Slovary Akademii Frantsuzskoi, Sankt-Petersburg, 1824, vol. 1: Ot A do S.

Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka V.I. Dalya, Moskva, 1863—1865.